

ПОСЛЕДНИЙ РОССИЙСКИЙ И ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ

Два десятилетия назад мы стали свидетелями возвращения на военно-морской флот овеянного более чем двухвековой славой Андреевского флага. Этот символ воинской доблести, учрежденный царем Петром I еще в 1699 г., приобрел привычный нам вид белоснежного полотнища с двумя синими полосами в 1712 г. Полосы символизируют крест, на котором, по преданию, был казнен апостол Андрей Первозванный, сказавший: «Я не могу быть распят на таком же кресте, как Учитель». В таком виде флаг вступил в бурную революционную эпоху и, как сообщают справочники и энциклопедии, был упразднен в конце 1917 г. вместе с другими символами «старого мира». Но далеко не все военные моряки приняли Октябрьскую революцию, а потому и Андреевский флаг вплоть до конца 1922 г. продолжал реять над кораблями белого русского флота, боровшиеся с большевиками.

Ныне мало кто знает, что последний корабль под Андреевским флагом покинул русские берега, выйдя из нашего Петропавловска. Им стал тральщик минного батальона Владивостокской крепости «Магнит», а случилось это в четыре часа дня 2 ноября 1922 г.

Единственным видом транспорта, связывавшим Камчатку с остальной Россией в первой половине XX в., являлись пароходы. В годы гражданского противостояния их число, принадлежавшее главному снабженцу полуострова — Добровольному флоту, заметно сократилось. Это заставило приморские власти, которым традиционно подчинялся полуостров в силу своего географического положения, прибегнуть к использованию для этих целей военных кораблей, в том числе «Магнита», переименованного в «канонерскую лодку».

«Магнит» обходил охотско-камчатское побережье в июле и августе 1920 г., контролируя рыбные промыслы и доставляя небольшие партии снабжения. В начале августа он посетил Гижигу, а 16-го пришел в Петропавловск. В воскресенье 22 августа команда канонерской лодки совместно с местными любителями сценического искусства устроила театральную вечер в городском Народном доме. Его гостям показали драму в одном действии «Любовь шута», водевиль «Кисонька» и дивертисмент «при участии хора братьев Зайцевых», а по окончании устроили танцы. Весь сбор моряки передали городскому культурно-просветительскому обществу. Еще один подобный вечер состоялся в субботу 28 августа. В его программу вошли оперетта в двух действиях, сочинение некоего Павла Иванова, и дивертисмент. Оба номера отрежиссировал управляющий Петропавловской таможенной заставой К. И. Кодылев.

4 сентября 1920 г. «Магнит» отправился на Командоры, там выгрузил продовольствие и товары и отправился домой во Владивосток. Моряки, проходя мимо Петропавловска, по радио передали знакомым горожанам приветы и пожелания всего самого наилучшего.

Тральщик «Магнит» построен в 1911 г. Водоизмещение 950 т, длина 33,6, ширина 6,3, осадка 3,6 м. Паровая машина мощностью 400 л. с. обеспечивала скорость хода 9,5 узлов. Вооружение составляли два орудия калибром 75 и 47 миллиметров. В 1916 г. «Магнит» вошел в состав Сибирской военной флотилии, где использовался как посыльное судно. 29 ноября 1917 г. перешел на сторону большевиков. С весны 1918 г. находился во Владивостокском порту на длительном хранении. 30 июня 1918 г. захвачен «белыми», в январе 1921 г. отбит «красными» и в апреле 1921 г. включен в состав морских сил Дальневосточной республики. 26 мая 1921 г. вторично захвачен «белыми», а в ноябре 1922 г. ушел с ними из Владивостока на Филиппины. Балансовая стоимость корабля в 1922 г. определялась в 70 000 руб.

«Магнит» посетил Камчатку и в следующем году. 27 июля 1921 г. действовавший в Петропавловске большевистский областной народно-революционный комитет (облнарревком), получивший сведения о том, что канонерская лодка готовится выйти на Камчатку, обсуждал меры противодействия возможной высадке с нее вооруженного экспедиционного отряда. Облнарревкомовцы полагали, что канонерка идет в Петропавловск с целью «захвата власти и отторжения Камчатки от Советской России».

Облнарревком, объявив себя избранным «всеми трудящимися области на Третьем областном съезде Советов, признавая за собой всю полноту власти», постановил не допустить высадки с корабля никого, кроме местных жителей, возвращающихся домой «с явно миролюбивыми намерениями». В случае прибытия на «Магните» вооруженного отряда, с ним решено было вступить в переговоры «по недопущению высадки такового отряда». Если же этого будет недостаточно, то комитетчики заявляли, что будут «вынуждены прибегнуть к оружию против захватчиков, посягающих на законную власть, избранную всеми трудящимися Камчатки...»

2 августа 1921 г. «Магнит» вышел с грузами из северного японского порта Хакодате — места, откуда на Камчатку в то время завозилось наибольшее количество продуктов, предметов снабжения и промыслового вооружения. Спустя десять дней он зашел в Петропавловск. Во время плавания магнитцы оказали помощь шхуне «Чайка». Это суденышко потерпело бедствие на пути к Командорам. Подоспевший на помощь «Магнит» взял его на буксир и отвел к острову Медному, где неожиданно разыгравшимся штормом шхуну выбросило на берег. К счастью, всей ее команде удалось спастись.

Вместо ожидаемого экспедиционного отряда на канонерке прибыли члены бывшего Народного Собрания от Петропавловска и Усть-Большерецка — граждане Добровольский и Корюкин, а также двенадцать человек промыслового надзора. Последних отправило Управление рыбных и морских зверобойных промыслов Дальнего Востока, работавшее во Владивостоке при антибольшевистском Временном Приамурском правительстве братьев Меркуловых, пришедшем к власти в мае 1921 г. Одной из целей прибытия корабля было снабжение Командоров и контроль состояния их главного богатства — пушного хозяйства. Это национальное богатство рассматривалось противодействующими сторонами как источник средств для продолжения междоусобной борьбы.

На борту «Магнита» находился ревизор А. Ю. Новаковский. Во время захода корабля в Хакодате он провел пять дней на курорте Инокова в обществе предпринимателей Демби, Данинга и прочих. Во Владивостоке подозревали, что они состояли в некоем «синдикате для захвата всеми возможными способами казенной камчатской пушнины». В Петропавловске командир и экипаж «Магнита» столкнулись с «крайне отрицательным к себе отношением» со стороны облнарревкома. В то же самое время Новаковский находился «в тесном и полном контакте с председателем нарревкома Лариным».

Корабль должен был доставить во Владивосток казенную командорскую пушнину в количестве 20 морских бобров, 600 котиков, 300 голубых песцов и рыбопродукцию на сумму более чем 150 000 руб., но этого не случилось. Приморские власти обвиняли в этом Новаковского. Его действия по отношению к пушнине назывались «прямо преступными». Приамурское правительство полагало, что Новаковскому выгодно, чтобы вся пушнина попала в руки крупной фирмы «Демби и Ко», так как он был связан с представителями этой компании родственными узами, будучи женатым на сестре братьев Стовских. Старший из братьев управлял конторой фирмы в Усть-Камчатске, где действовало мощное рыбоконсервное производство. По словам выходившей во Владивостоке «Вечерней газеты», «своя рубашка ближе к телу, а Новаковскому интересы фирмы Демби ближе, чем интересы государства».

Командир «Магнита» лейтенант Д. А. фон Дрейер, «к чести которого нужно сказать, что его деятельность направлена исключительно в защиту интересов государства», предлагал Новаковскому высадить на острова десант в случае сопротивления лиц, имевших отношение к передаче пушнины на корабль.

15 августа 1921 г. облнарревком уведомил ревкомы островов о том, что после состоявшейся 22 марта 1921 г. передачи Камчатской области из состава Дальневосточной республики в РСФСР, управление Командорами перешло к нему и центральному советскому правительству. Поэтому теперь всю добытую пушнину следовало сдавать облнарревкому, обещавшему реализовывать ее при участии аборигенов. Без его разрешения запрещалось передавать меха кому бы то ни было «под страхом ответственности перед законами Советской Республики».

Облнарревком требовал не допустить сдачи пушнины на «Магнит». В случае попытки насильственной «экспроприации» населению предлагалось «применить в действие оружие, кого следует — арестовать и выслать областному комитету с первым отходящим с островов пароходом». Петропавловские власти указывали, что часть продовольствия и материалов, шедшие на «Магните», были заготовлены распущенным Рыбосоветом, действовавшим до меркуловского переворота, а другая их часть, погруженная в Хакодате, закуплена на областные средства.

Владивостокское Управление рыбных и морских зверобойных промыслов Дальнего Востока они объявили «органом самозванным, никем не признанным». Поэтому управление и следовавший судне его промысловый надзор считались не имеющими «никакого отношения к идущим на “Магните” продовольствию и материалам, тем более к Командорским островам и Камчатской области в целом». Командорцы извещались о том, что вскоре к ним должен подойти зафрахтованный облнарревкомом частный пароход «Тунгус», принадлежавший капитанам Ставракову и Крахмалеву, со снабжением, заготовленным при участии представителей островитян. Фрахтователем судна был американский торговец Свенсон. Ему и досталась часть командорской пушнины, проданной облнарревкомом.

«Тунгус» зашел в Петропавловск 8 сентября. На нем в качестве «командированного по снабжению» отправился представитель облнарревкома А. С. Лукашевский. Пароход доставил на острова дрова, товары и продовольствие на сумму 90 тыс. золотых руб. Командированные на «Тунгусе» информировали местное население о переходе островов в ведение Советской России.

Так как небольшой «Магнит» не взял с собой всего необходимого островам, то 1 августа 1921 г. Управление рыбных и морских зверобойных промыслов Дальнего Востока заключило в Хакодате с фирмой «Демби и Ко» договор о дополнительной поставке. В счет частичной оплаты товаров оно выделило 7 000 иен, засчитав остальную сумму недоимками фирмы и ее платежами по арендуемым промыслам. Фирма обязалась завезти на острова на своем или арендованном пароходе еще продуктов и 200 тонн угля.

Остальная часть командорской пушнины в 1921 г. перешла к фирме «Демби и Ко», которая, как подозревали, выделила «известную долю кому следует». Но факт есть факт: вот такими «совместными» усилиями «красных» и «белых» острова в этом сезоне оказались «снабжены так, как не снабжались уже многие годы».

Осенью 1921 г. власть в Петропавловске сменилась: обнарявком ушел партизанить «в сопки», а главой новой администрации, подчинявшейся Владивостоку, стал известный на полуострове рыбопромышленник Х. П. Бирич, именовавшийся «Особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае» и прибывший в город 12 ноября 1921 г. на пароходе Добровольного флота «Кишинев». По сути, Х. П. Бирич, имел полномочия губернатора.

16 июня 1922 г. он обратился к правительству братьев Меркуловых с просьбой отправить на Камчатку медикаменты, «отсутствие которых резко ощущается населением этой далекой окраины». 30 июня стало известно, что «правительством сделаны распоряжения о посылке на Камчатку провианта и предметов первой необходимости для населения. Снаряжены три парохода, которые ожидаются на днях в Петропавловске: “Магнит”, “Батарея” и транспорт “Охотск”».

К середине 1922 г. морякам Сибирской военной флотилии, базировавшейся во Владивостоке, как и большинству других лиц, разделявших белую идею, было ясно, что борьба с советской властью оказалась неравной и вскоре будет проиграна. Тем не менее, патриоты продолжали выполнять свой долг. Они по-прежнему охраняли северо-восточные окраины страны от хищников. Последних привлекали командорские морские бобры, котики и голубые песцы, камчатская пушнина, рыба, золото и другие богатства, варварски уничтожавшиеся и безнаказанно вывозившиеся.

Ослаблением государственной власти в стране, занятой гражданской войной, воспользовались и соседние державы. Они перестали считаться с часто сменяющимися местными правительствами, не обладавшими ни авторитетом, ни реальной силой для борьбы с хищничеством и самоуправством, которое дошло до того, что даже были организованы особые комиссии по изучению богатств Камчатки и Чукотки, и началось их «обследование».

Вот поэтому командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Ю. К. Старк в июне 1922 г. и назначил для охраны побережья канонерскую лодку «Магнит». Небольшому кораблю предстояло совершить сложное плавание у берегов Камчатки, в Беринговом проливе и Северном Ледовитом океане. Подбор экипажа производился с учетом серьезности и ответственности этой экспедиции. Офицеры и матросы назначались на канонерку по трем признакам: «марсофлотству», личному удалству, наличию морских знаний и опыта.

«Магнитом» по-прежнему командовал лейтенант Д. А. фон Дрейер. Ему и предоставлялось право выбора офицеров и команды, правильность которого позволила бы отчасти возместить те недостатки корабля, которые невозможно было исправить по техническим или финансовым соображениям.

Помимо охранных функций, «Магнит» решал задачи учебного корабля: на нем в поход приобретать морской опыт шли гардемарины, занимавшиеся во Владивостоке «по программе Морского корпуса». Для их теоретического и практического обучения из состава офицеров канонерки были назначены преподаватели-инструкторы. Занятия на корабле регулярно шли в течение всего плавания, независимо от действий на побережье.

Подготовка к дальнему походу началась весной 1922 г., еще до официального назначения «Магнита», и продлилась три месяца. В ней принимал участие весь экипаж: от командира до последнего матроса-добровольца, а также служащие Владивостокского военного порта.

Перед отправлением в плавание корабль участвовал в операциях, которые Сибирская флотилия вела вдоль побережья Приморской области и острова Сахалин. После этого «Магнит» принял во Владивостоке небольшие запасы снабжения и провизии, пополнить которые намеревались в Японии. 22 июня 1922 г. состоялся инспекторский смотр корабля. Его произвел контр-адмирал Ю. К. Старк, пожелавший на прощание экипажу успешного выполнения задания и возвращения домой. В десять часов утра канонерка отдала конец с бочки и покинула Владивосток, чтобы, как потом оказалось, больше никогда туда не вернуться...

В Петропавловск «Магнит» пришел в воскресенье 6 августа 1922 г. На нем прибыла новая команда для стоявшей в Ковше канонерской лодки «Свирь», промысловый надзор во главе со старшим смотрителем рыболовства В. Л. Дымским и доверенный торговой фирмы «Чурин и Ко» Проскураков.

В ночь на 11 августа моряки «Магнита» участвовали в тушении пожара в порту, начавшегося на стоявшей у пристани шаланде с горючим. Огонь грозил уничтожить пристань и скромное портовое хозяйство Петропавловска. Приказом Х. П. Бирича 16 августа 1922 г. отличившимся объявлялась «сердечная благодарность за распорядительность, находчивость и самоотверженную деятельность». После стоянки корабль отправился на Командоры, а 2 сентября вернулся в порт. Через неделю он вновь вышел в море.

В конце августа 1922 г. гражданская администрация Камчатской области во главе с Х. П. Биричем была заменена военными: это произошло вследствие прихода к власти во Владивостоке вместо братьев Меркуловых Генерального штаба генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, именовавшегося Правителем Приамурского земского края. Правительство Дитерихса назначило своим представителем на полуостров генерал-майора П. М. Иванова-Мумжиева. До прибытия генерала в Петропавловск его обязанности исполнял начальник Петропавловского гарнизона капитан 1-го ранга Б. П. Ильин.

Не имея возможности справиться с партизанами, блокировавшими Петропавловск, на суше, белое командование намеревалось сделать это со стороны моря, где располагало значительными силами. 20 августа Б. П. Ильин, руководивший всеми белыми воинскими силами на Камчатке, подписал обращение к красным партизанам, предлагая им сложить оружие. Отказывавшимся это сделать, он обещал «конец... с первыми же морозами, так как я сожгу все деревни, жители которых оказывают вам приют. Военный корабль сметет их в пять минут до основания. И в первую очередь пойдут деревни Халактырка и Жупаново. Жалеть женщин и детей мне не приходится, коль скоро они явятся отродьями такого преступного племени». (Это обращение воспроизведено по вышедшей уже после занятия Петропавловска красными партизанами газете «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» от 3 декабря 1922 г. По сведениям, сообщенным автору историком В. П. Пустовитом, оригинала документа в камчатских архивах не найдено.)

23 сентября 1922 г. в Усть-Камчатске заседали волостной и сельский советы совместно с военным советом и госполитохраной (контрразведкой) красных, обсуждавшие меры по защите селения от «банд из города Петропавловска». От пассажиров, приехавших на японском экспрессном пароходе «Кобе-Мару», они получили сведения о том, что в город прибыли воинские подкрепления, а «Магнит», ушедший на Командоры, на обратном пути может направиться в Усть-Камчатск.

В сентябре 1922 г. «Магнит», выйдя из американского порта Ном на Аляске, направился к острову Врангеля, давно оспаривавшемуся у России Англией, воспользовавшейся ослаблением русской государственной власти и попытавшейся отторгнуть его. Целью этого плавания стало восстановление российского владения островом и подъем на нем Андреевского флага. В двадцатых числах сентября, пройдя мыс Дежнева, «Магнит» около двух суток ждал перемены северных ветров, нагнавших в Берингов пролив массу льдов. Через эту ледовую преграду корабль пробиться не смог.

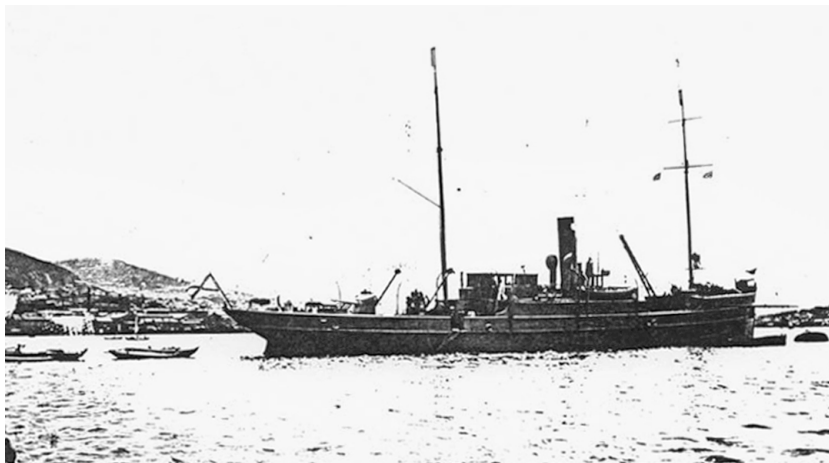
Вторую попытку преодолеть пролив «Магнит» предпринял спустя несколько дней, но она тоже оказалась безуспешной из-за постоянно дувших северных ветров. Не удалось это сделать и позже. Более того, льды начали угрожать целостности корпуса корабля. Ввиду отсутствия надежд пройти сквозь ледовые заторы и необходимости вернуться на охрану берегов Камчатки, корабль был вынужден оставить северные воды.

«Магнит» в очередной раз вернулся в Петропавловск 25 октября 1922 г. Как оказалось, этот плавание стало последним, совершенным в российских водах под Андреевским флагом. Корабль привез местному гарнизону 990 пудов оленины и воинское обмундирование. В воскресный день 29 октября его команда провела в Народном доме традиционный танцевальный вечер, привлекая множество горожан. Такой же праздник намечался и на среду 1 ноября. Однако ему состояться было уже не суждено...

25 октября 1922 г. Владивосток заняла красная 5-я Дальневосточная армия. В столице Приморья установилась советская власть. Утром 1 ноября в Петропавловск на имя капитана 1-го ранга Б. П. Ильина пришла телеграмма от морского агента в Токио адмирала Б. П. Дудорова, извещавшая, что командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Ю. К. Старк ушел из Владивостока с верными ему кораблями, войсками и беженцами в корейский порт Гензан.

Вечером генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев вызвал городского голову Е. А. Колмакова. Генерал официально сообщил о том, «что город Петропавловск, по причине падения города Владивостока и с ним власти правителя Дитерихса, будет местным отрядом во главе с представителями правительства покинут, и власть в городе передается Петропавловскому городскому Самоуправлению». На видных местах было расклеено обращение генерала к населению города, привлекавшее толпы любопытных.

Ясным утром 2 ноября 1922 г. в 7 часов 45 минут горнист стоявшего на внешнем рейде Петропавловска «Магнита» сыграл «большой сбор». Вахтенный начальник мичман М. И. Никифоров командовал: «Гардемарины и команда на шканцах, во-фронт!» Через несколько минут на юте выстроились офицеры, на правых шканцах — первая вахта команды и гардемарины, на левых шканцах — вторая вахта команды. Следующая команда: «Смирно, господа офицеры!» дала знать, что командир корабля лейтенант Д. А. фон Дрейер вышел на палубу. Он обошел строй офицеров, принял рапорты от специалистов и старшего офицера, поздоровался с гардемарины и командой.

Канонерская лодка «Магнит»

Дальнейшее ярко и эмоционально излагает один из очевидцев, укрывшийся под псевдонимом «Магнитец». Эти воспоминания были опубликованы в 1940 г. в Шанхае по случаю 200-летия со дня основания Петропавловска.

«Раздается тихий, но ясный голос вахтенного начальника: “Без пяти минут восемь, господин лейтенант”. Сигнальщики у кормового флага и гюйса на баке замерли в ожидании. Горнист, приложив мундштук к губам, “греет” горн, чтобы тот не “сиксовал”. “На флаг и гюйс!” — раздается бодрая команда Миши (вахтенного офицера М. Н. Никифорова. — С. Г.), и все взоры обратились на корму.

“Последний подъем родного флага в водах Камчатки, в водах российских... последний, — невольная мысль у всех на уме, — мы последний корабль под славным Андреевским флагом в российских водах, на родине...”

“Флаг и гюйс поднять!” — командует мичман Никифоров, чем нас всех отрывает от мыслей об уходе...

Как-то резко сорваны фуражки, и взоры всех устремились на корму, где флаг, затрепетав в налетевшем легком шквале, распутившись за поручни юта по ветру, открыл свой голубой Андреевский крест и медленно-медленно пошел вверх.

Андреевский флаг... наше Святое Знамя, Флаг Петра Великого, адмиралов Сенявина, Ушакова, Нахимова, Завойко, Макарова и Колчака, во всей своей красе распустился в последний раз на российском корабле, в российских водах далекой окраины нам всем дорогой и милой Родины... Последний Флаг...

Сколько мыслей роится в голове каждого, стоящего на палубе корабля “Магнит”, готового покинуть и, быть может, навсегда, родные воды... Последний Флаг...

Замолк горнист... “На-кройсь! — опять командует Миша, — гардемарины и команде — разойтись!”...

Закончен последний подъем Флага “с церемонией” в водах российских Дальнего Востока и Камчатки, отошел в историю, и навсегда. Этот обычай — церемониал, повторявшийся изо дня в день во всех уголках нашей необъятной Родины, где бы ни находился хотя бы один российский корабль...

Флаг сочетания цвета правды и чистоты и синего — цвета лазурного моря и неба. Этот Флаг своим косым крестом, крестом Святого Андрея Первозванного, был всегда нам символом служения Родине, служения честного, бескорыстного и верного, по заветам Великого Петра и Адмиралов Российских от времен Гангута и до последних дней жизни Адмирала Колчака».

У деревянной свайной пристани в Ковше грузился старый, потрепанный многолетней службой грузовик Добровольного флота «Сишан». Он принимал на борт всех желающих покинуть Камчатку.

В числе последних находились не только пришлые люди — «мурки», как их называли местные жители, но и аборигены полуострова, спасавшиеся от красного террора. Они оставляли свои хозяйства, семьи, родных и добровольно обрекали себя на полную неизвестность. На пристани толпились горожане и жители и окрестных селений, некоторые плакали. С разных сторон слышались возгласы: «Зачем вы нас покидаете? Ведь мы-то были с вами и поддерживали вас, как могли и умели!»

Покидающие город граждане и воинское командование желали остающимся стойко перенести ниспосланное свыше испытание, говорили, что уходящие духовно всегда будут с Россией и никакая сила не вырвет из их сердец любовь к своей стране и ее народу...

А. А. Пурин, известный камчатский общественный деятель, в тот момент руководитель канцелярии последнего главы Камчатской области досоветского периода генерала П. М. Иванова-Мумжиева, отправился на Петропавловскую радиостанцию. Он предпринял последнюю попытку связаться с руководителями остатков белого движения на Северо-Востоке России: генералом А. Н. Пепеляевым в Аяне, генералом С. М. Соколовым в Охотске и полковником В. И. Бочкаревым в Наяхане, чтобы информировать их о занятии красными Владивостока, выяснить намерения и планы. Все попытки оказались безуспешны: ни одна из тамошних радиостанций на вызовы не отозвалась. Находившиеся там оказались предоставлены сами себе, оставшись без кораблей и связи. Большинство из них было обречено на гибель.

С берега вернулся и был поднят на палубу последний моторный катер, доставивший на борт канонерки отдельную морскую десантную роту во главе с ее командиром лейтенантом Сеньковским, а также часть воинских чинов гарнизона Петропавловска. Теперь их связь с родной землей прервалась навсегда.

В четыре часа дня с «Магнита» раздался орудийный выстрел — сигнал начала эвакуации, раскатившийся прощальным салютом по пространству Авачинской губы, многократно отразившись от обрамлявших ее скал. «Сишан» медленно двинулся к выходу из Ковша с четырьмя сотнями беженцев на борту. Он пристроился к «Магниту» и под его охраной пошел в беспредельную ширь Тихого океана. Собравшиеся на палубе наблюдали, как удаляющийся Петропавловск постепенно тонет в вечерней мгле...

Часть устаревшего вооружения уходящие белые войска выбросили за борт: вскоре новые власти выловили в Ковше у пристани десяток винтовок системы Бердана без затворов. По сообщению местной газеты, 2 ноября около четырех часов дня «действительно все правительственные чины, их отряды и некоторые из граждан на пароходах “Сишан” и “Магнит” снялись с якоря и, выйдя из бухты, направились в южное от Петропавловска направление».

Канонерская лодка и пароход двинулись в Хакодате. Отсюда «Магнит» с капитаном 1-го ранга Б. П. Ильиным ушел в Гензан на соединение с отрядом контр-адмирала Ю. К. Старка, 24 октября 1922 г. оставившим Владивосток, а «Сишан» в январе 1923 г. вернулся во Владивосток.

Последний командный состав «Магнита» при уходе из камчатских вод включал: командира лейтенанта Д. А. фон Дрейера, старшего офицера лейтенанта Ю. А. Степанова, старшего штурмана мичмана П. Н. Волчанецкого, младшего штурмана мичмана М. Н. Никифорова, вахтенного начальника и ротного командира лейтенанта М. Подиметопуло, вахтенного начальника и артиллерийского офицера мичмана М. В. Дешукова, вахтенного офицера мичмана И. А. Буланина, вахтенного офицера гардемарина В. Киркора, старшего механика поручика по механической части И. И. Котуновского, второго механика подпоручика И. Г. Сергиенко, третьего механика кондуктора В. К. Валшкиса, врача лекарского помощника П. Н. Степанова, старшего боцмана кондуктора В. М. Кобелева.

В число гардемарин, набравшихся на корабле морского опыта, входили Г. Петренко, А. Поляков, П. Дорошенко, В. Смеленец, П. Лашков, Н. Вельмин, И. Колосов, П. Дубнитский, Ю. Хейсканен, М. Савитский, А. Никошин, В. Смирнов и Н. Деснитский. Большинство офицеров и гардемарин после ухода из России осели в Китае и США.

Название «Магнит» петропавловские обыватели слышали еще несколько раз. Спустя пять дней после ухода корабля из Петропавловска — 7 ноября 1922 г., — незадолго до занятия города красными партизанами в одном из последних номеров газеты «Камчатский листок» была помещена телеграмма адмирала Дудорова на имя капитана 1-го ранга Ильина. В ней сообщалось, что белые армия и флот идут в Гензан и, очевидно, что «Магнит» и «Сишан» следуют туда же на соединение с ними. Из этого «граждане города Петропавловска вчера составили себе представление о том, что пароходы уже соединились и четыре из них идут в Петропавловск. В городскую управу пришло много публики, чтобы узнать, правда ли это, и если да, что намерена предпринять управа?» Итогом такого интереса стал категорический приказ управы: «За распространение ложных слухов — ответственность по закону!».

А вот что 18 марта 1923 г. сообщила уже советская газета «Полярная звезда»: «По сведениям, полученным из Анадыря, белогвардейское судно “Магнит” в октябре прошлого (1922. — С. Г.) года ограбило в бухте Провидения склад Союза камчатских кооперативов, захватив сырье и сто пятьдесят тонн угля. По слухам, сто тридцать тонн было продано на Аляске в Номе».

Никаких подтверждений этому мы не имеем...

Последним был не только Андреевский флаг, поднятый в Петропавловске утром 2 ноября 1922 г. на «Магните». Последним стал и трехцветный флаг «Сишана», также более двух веков служивший знаменем всем русским людям. Он тоже вернулся к нам лишь два десятилетия назад, теперь уже как один из государственных символов новой России.

Нетрудно понять трагедию кучки людей, навсегда покидавших родину и уходивших, по сути, в никуда. Но ведь родина-то осталась, а вместе с ней остались и сложности снабжения и охраны протяженного северного побережья, то есть поддержания того, что ныне называется «национальной безопасностью». Сменилась лишь власть, которой теперь предстояло их решать, да вместо трехполосного гражданского и Андреевского над кораблями и судами отныне реял красный флаг.

Первым его носителем в наступившую навигацию 1923 г. стало посыльное судно Рабоче-Крестьянского Красного Флота «Красный вымпел», хорошо знакомое камчатцам. Впервые оно пришло на полуостров в начале лета 1912 г. как разъездная яхта камчатского губернатора и тогда называлось «Адмирал Завойко». Яхта строилась по отечественному проекту на Охтинской верфи в Санкт-Петербурге. В конце ноября 1911 г. она южным путем пришла во Владивосток, отсюда после зимнего ремонта с началом навигации 1912 г. прибыла в Петропавловск.

«Красный вымпел» — двухмачтовое судно водоизмещением 650 тонн с паровой машиной мощностью 600 л. с. и скоростью хода 10 узлов. Запас угля в 180 тонн обеспечивал дальность плавания до 2 500 миль. Беспроволочный телеграф позволял поддерживать связь с Петропавловском и находящимися в море пароходами. На судне имелись моторный катер и три шлюпки. Вооружение: две 57-миллиметровые пушки и два пулемета. Способно выполнять ледовые плавания, имея укрепленный форштевень и утолщенную обшивку носовой части.

3 июня 1923 г. «Красный вымпел» вышел из Владивостока по направлению к Петропавловску. На нем находился промысловый надзор во главе со старшим инспектором рыболовства И. И. Семеновым. Вместе с ним следовали младший инспектор рыболовства И. Волков, промысловые досмотрщики Волин, Ильин, Кихтенко, Соловьев, Коган, Коломиец, Цеменовский и уполномоченным Приморского губернского отдела ГПУ М. И. Лозгачев. Задача похода — наблюдение за выполнением правил рыболовства и демонстрация советского военно-морского флага в охотско-камчатских водах. Командовал судном бывший флотский офицер А. И. Клосс.

До Петропавловска плавание протекало при хорошей погоде. Судно миновало пролив Лаперуза, Охотское море, Первый Курильский пролив и 11 июня прибыло в Петропавловск. Здесь стояло восемь дней, принимая уголь, а затем вышло на восточное побережье Камчатки. 14 июля «Красный вымпел» вернулся в Петропавловск пополнить запасы топлива и почистить котлы, а также дать команде отдых и провести с ней военные учения. Этим занимались по 2 августа.

Красные военморы поддержали давно сложившуюся традицию устройства совместных с горожанами Петропавловска гуляний. В субботу 19 июля 1923 г. в городском клубе «Имени Коминтерна» они показали шуточные спектакли «Попугай» и «Происшествие». Афиша вечера обещала гостям, помимо театральных зрелищ, «танцы до утра». Еще один такой вечер, состоявшийся позже, включал новую театральную программу. В нее вошли сочинение Тургенева «Безденежье», пьеса «из партийной жизни» под названием «Белые и красные» и чеховский «Медведь».

16 августа в бухте Лошадиной на охотском берегу судно осуществило «военную операцию» — высадило десант. Во время стоянки в бухте Нагаево, куда заходили за углем и водой, экипаж произвел учения с артиллерийской стрельбой. 2 сентября «Красный вымпел» вновь пришел в Петропавловск. После одиннадцатидневной стоянки он отправился во Владивосток (с заходом на побережье), куда вернулся поздно вечером 21 сентября.

Почти весь поход прошел при сравнительно хорошей погоде. Штормовать в море почти не приходилось. В начале плавания «Красный вымпел» имел ход до десяти узлов при тихом море, к концу он уменьшился до семи: подводная часть обросла водорослями и ракушками. За все время в топках котлов сожгли около 650 тонн угля. В Петропавловске на мысе Сигнальном его хранилось 800, в бухте Нагаево — 60 тонн, «Красный вымпел» расходовал в сутки примерно десять. «Весь уголь, как в Петропавловске, так и в бухте Нагаево, оказался вполне доброкачественным».

И. И. Семенов так описывает условия своего плавания: «Командиром корабля А. И. Ключсс мне была предоставлена каюта на корме судна внизу. Иллюминатор во время хода судна постоянно заливался водой, даже во время стоянки корабля в бухте или у пристани нельзя было открыть иллюминатор, поэтому в каюте днем было сравнительно темно и сыро, а при тихой погоде и душно. Стол на корабле был очень скудный (паек военмора), свежее мясо было только в самом начале плавания, а потом щи из солонины и каша.

За время плавания работать приходилось очень поспешно, сообразуясь с погодой, приливами, отливами, количеством угля, воды. Не обошлось дело и без невольного купанья в море. При проходе через реку Панкара моторный катер накрыло сильной волной, и только благодаря присутствию спасательных воздушных банок на катере, мы не потонули. Вообще при высадке с корабля на берег часто приходилось довольно круто, и жизнь висела на волоске».

Появление советского вооруженного судна в охотско-камчатских водах произвело надлежащее впечатление и на японцев, и на русских. «Русский красный военный флаг был показан на обоих берегах Камчатки и на охотском побережье, а это сыграло немалую роль в отношении японцев к лицам промыслового надзора. Требования надзора японцами исполнялись, нигде надзор не просил моего вмешательства для воздействия на японских и русских рыбопромышленников вооруженной силой. Нынешним летом пришлось действовать вообще по отношению к японским рыбопромышленникам очень осторожно. В Петропавловске стояли два-четыре контрминоносца, ходивших по побережью Камчатки».

Примером «внимательного отношения» японцев к действиям «Красного вымпела» назывался случай, произошедший 26 июня в Усть-Камчатске. Рано утром судно, вернувшееся с Командорских островов, подошло к рыболовным участкам западнее реки Камчатки и стало на якорь. Старший инспектор рыболовства на катере отправился проверять невода. На одном из них пришлось задержаться ввиду обнаружения ловушки запрещенной конструкции. В это время японский миноносец, стоявший против устья реки, снялся с якоря и направился к «Красному вымпелу», близко стал на якорь и начал следить, что надзор будет делать с неводом. Миноносец стоял до тех пор, пока советский корабль не перешел к устью реки Камчатки.

«Красный вымпел» своим присутствием на камчатском побережье повлиял и на местное население и местные власти, которые до его прибытия «совершенно не считались с чинами рыболовного надзора и не исполняли их законных требований». После разъяснений, данных И. И. Семеновым, «контакт между местными сельскими властями и надзором установился, а население оказывало свое содействие надзору в случае надобности».

За время плавания по охотско-камчатскому побережью было составлено девятнадцать протоколов и девять актов о нарушении правил производства рыбного промысла. Наибольшее их количество допустили японские промышленники. Это — незаконное устройство ставных неводов, неразрешенная засолка рыбы, антисанитарное состояние промыслов и отсутствие на участке переводчика. У русских промышленников на речных участках было обнаружено отсутствие документов и несоблюдение процентной нормы русских рабочих.

В начале 1920-х гг., после объявления так называемого «свободного лова» под охраной своих кораблей японцы ставили невода, как им заблагорассудится. Борьбу с этими «неправильными поставками» надзор с «Красного вымпела» вел неустанно. При их обнаружении снасти срезались и отвозились на корабль. Невод и пойманная рыба, «как добытая незаконным способом», описывались и оценивались. Рыбу «арестовывали» и сдавали на хранение арендаторам, с них брали подписку об уплате Управлению Дальрыбохоты начисленной в качестве штрафа суммы.

У легально действующих промышленников немедленно конфисковать невод и улов при обнаружении их незаконных действий было невозможно. После нескольких лет самовольного лова «такую крутую меру воздействия» использовать было просто опасно. Для этого требовалось применение вооруженной силы. Сами японцы снимать невода не стали бы, а возможность вмешательства их кораблей в конфликт в этом случае становилась очень вероятной. Кроме того, «незаконные невода» обнаружили в самом начале хода рыбы, лишение рыбаков орудий лова означало бы их разорение. Поэтому при обнаружении нарушений надзор действовал осторожно: составлял акты, пытался немедленно пресечь нарушения и грозил «строгой карой в случае повторения».

С «хищниками» же, не имевшими права на рыболовство, поступали строго. Одним из таких оказался некто Секия Наказо, скупавший на реке Панкаре рыбу у местного населения на незаарендованном участке. Он же приобретал пушнину и торговал спиртом. Все его промысловое имущество, рыба, пушнина и спирт были конфискованы.

Наблюдались случаи захода японских шхун в реки, причем в навигационных свидетельствах, выданных советским уполномоченным в Токио, разрешения это имелись. Так что официально протес-

товать против нахождения судов в реке было невозможно. «Принимая же во внимание, что стоянки японских шхун во внутренних водах Республики крайне нежелательны, и ранее это строго преследовалось надзором, приходилось каждый случай фиксировать и торопить суда выйти из реки». На будущее заход иностранных судов в реки следовало запретить, что вскоре и было сделано.

Выяснилось, что в 1923 г. у японских рыбаков не было промысловых свидетельств. Они объясняли, что Общество рыбопромышленников должно было взять их для всех во Владивостоке. Русские предприниматели таких документов тоже не имели. В этих случаях надзор составлял протоколы, передававшиеся Камчатскому губернскому финансовому отделу. В некоторых труднодоступных местах население самостоятельно незаконно заключало договора с японцами о сдаче своего улова. Другими словами, здесь открывались новые беспопытно действовавшие засольные участки, чем нарушался государственный интерес — налоги с промыслов в казну не поступали.

Одной из задач похода являлось посещение Командорских островов и проверка их знаменитого пушного хозяйства. Сюда «Красный вымпел» привез 500 пудов муки, взятой в Петропавловске. На острове Беринга высадились уполномоченный губревкома с двумя пулеметами и патронами и новый радиотелеграфист. Уполномоченный ГПУ арестовал предыдущего радиотелеграфиста и отправил его на судно.

Администрация островов во главе с начальником П. М. Колтановским очень обрадовалась прибытию первого в этом году судна. Алеуты же полагали, что всю администрацию, как поставленную «белой властью», сразу арестуют и увезут, а они останутся хозяевами острова. Но этого не случилось. Незадолго до отплытия надзора из Петропавловска губревком назначил нового начальника островов. Ему поручались административные функции. За П. М. Колтановским оставили ведение промыслового хозяйства. По мнению И. И. Семенова, такое разделение административных и научно-промысловых функций «кроме пользы для пушного хозяйства, ничего не принесет».

Новая власть взялась за аборигенов крепко. «При выгрузке всех прибывающих на корабль осматривали, как на берегу, так и на корабле». Это произвело впечатление на местных жителей, увидевших, что «военные суда и порядок на островах значатся не только на бумаге, но и на деле». Полное отсутствие спиртных напитков у моряков не давало никакого повода для их обмена на шкурки голубых песцов.

На острове Беринга прошло собрание алеутов. На нем «им была дана информация, где говорилось о твердости советской власти, о необходимости подчиняться начальнику островов и всей администрации, об исполнении распоряжения начальника немедленно, без созыва каждый раз особого общего собрания. Например, требуется послать двух человек для починки здания, и для этого собирают общее собрание и рассуждают, нужно это сделать, или нет». Попутно рассказали, что «за все нарушения с жителями будет поступлено по закону и т. п.».

Кроме И. И. Семенова с алеутами беседовали комиссар корабля и уполномоченный ГПУ. Они разъясняли населению его права и обязанности, знакомили их с советскими законами, доказывали «необходимость усиленной работы». Алеуты никак не предполагали, что за них примутся так серьезно, будут заставлять работать и подчиняться. «Они думали, что снова будут разговоры, ничегонеделание, в общем, 1918-й год. Очень много разговоров вызвало требование начальника островов приготовить каждому жителю по 86 штук юколы за первый ход рыбы и столько же за второй для подкормки рыбой песцов».

Аборигены доказывали, что у них нет высоких резиновых сапог, поэтому во время лова рыбы нужно будет мокнуть в воде. Инспектор рыболовства отправился на реку Саранную, дабы самостоятельно убедиться в названных сложностях. Вот что он увидел: «Оказалось, что река очень узкая — всего саженой пятнадцать ширины, на реке устроен двойной запор, сажени в полторы. Рыбу не ловят, а черпают из него маленькой сеткой, причем за каждый раз наши военморы вытаскивали около восьмидесяти штук рыбы. Не моча ног, можно выбрасывать рыбу на морской берег простой палки с крючком, так много рыбы в запоре. Подобную массу рыбы можно видеть только при выборке морского ставного невода. Несмотря на то, что рыбу пока еще совсем не ловят, запор закрыт все время, даже по воскресеньям его не открывают».

Рыба с избитыми носами и боками ищет прохода вверх, половые продукты в быстрой пресной воде усиленно созревают, а она напрасно бьется у запора. Предложил немедленно открыть запор и открывать его не менее одного дня в неделю. Из всего сказанного видно, насколько легко можно поймать эти 86 штук, и как алеуты всячески отлынивают от исполнения работы».

На острове Беринга на 204 человека населения приходилось 345 взрослых собак и 56 щенков. Для их прокорма ежегодно требовалось до 150 000 лососей. По подсчету П. М. Колтановского, их стоимость достигала 20 000 рублей золотом. Особенной же пользы от собак прибывшие не усматривали, так как полагали, что ездить зимой на них почти некуда, а держат их, главным образом, по привычке.

Общее собрание жителей прошло и на острове Медном. «Здесь алеуты совсем вышли из повиновения. В карауле устраивают совещания и решают вопросы караула большинством голосов, отказались сделать отгон секачей, самовольно прекратили убой бобров и т. п. На острове Медном и среди надзора не все благополучно, существуют трения между отдельными агентами. У жены фельдшера обнаружено еще до нашего прибытия шесть голубых песцов, спрятанных в одеяле, то же обнаружено и у жены одного надзирателя».

«Хищничество» имело место. Алеуты не спешили сдавать в казну добытые шкурки, а прятали их в надежде продать при случае или обменять на спирт. Промысловый надзор обнаружил около 300 песцовых и 96 котиковых шкурок. В качестве борьбы с незаконным промыслом предлагался уже опробованный строгий контроль при посещении судов и установление достаточной «пошкурной» платы промышленникам, которой должно было хватать для приобретения в государственном складе всего им необходимого.

О ценности же песцовых шкур, этого национального достояния, говорил такой факт. В Германии белых песцов «плохой окраски» успешно перекрашивали и выдавали за голубых. Такая суррогатная пушнина обходилась в немалую сумму: до 100 рублей за шкурку, и все же это было гораздо дешевле стоимости настоящего голубого песца.

Первый поход «Красного вымпела» под советским флагом показал, что один такой корабль охранять протяженное охотско-камчатское побережье не может. К тому же, японцы видели, в каком направлении он пойдет дальше. И. И. Семенов полагал, что для обхода берегов необходимо иметь, «по крайней мере, три больших железных судна и одну парусно-моторную шхуну... Базами для данных судов могут служить следующие пункты: Николаевск, бухта Нагаева, Петропавловск, бухта барона Корфа, бухта Глубокая и бухта Провидения, где в прежнее время находились склады угля, имеется пресная вода. Означенные места очень удобны для стоянки судов».

Вот что сообщал об этом плавании «Краткий очерк о социально-экономическом развитии и географическом положении Камчатки», составленный в недрах губревкома в 1923 г.: «...Непосредственное осуществление контроля рыбалок лежит на отделе Рыбоохоты, который находится во Владивостоке. В текущем году с пароходом “Красный вымпел” командированы инспекторы рыболовства, но таковые в полной мере проводить в жизнь свои задания не сумеют лишь только потому, что их недостает, и вследствие редкого курсирования парохода. Кроме “Красного вымпела” других средств передвижения не имеется»...

Как мы знаем, в 1922 г. «Магнит» не смог пробиться сквозь полярные льды к острову Врангеля. Сделать это спустя два года смогла канонерская лодка «Красный Октябрь». Ее команда впервые подняла над островом советский флаг.

Остров Врангеля назван в 1867 г. в честь русского мореплавателя Фердинанда Петровича Врангеля, совершившего в 1820 г. плавание «для описи берегов от устья реки Колымы к востоку до Шелагинского мыса и от него на север». Соседний остров Геральд назван в честь английского судна, доставившего сюда в 1849 г. экспедицию капитана Келлета. Впервые на остров Врангеля в 1881 г. высадились команды американских судов «Корвин» и «Роджерс». Несмотря на решения Вашингтонской конференции 1867 г., по которому все полярные земли к западу от линии, проведенной в Беринговом проливе, определялись как лежащие в сфере русского влияния, американцы переименовали остров в «Новую Колумбию» и собирались присоединить его к США. С этого времени берут начало неоднократные попытки США и Канады (то есть Англии) отторгнуть остров от России. В 1911 г. русское экспедиционное судно «Вайгач» произвело его исследование и установило опознавательный знак, тем самым вновь обозначив принадлежность этой земли. В 1916 г. Министерство иностранных дел официально подтвердило нахождение острова и соседних с ним в составе Российской Империи.

С 1913 по 1923 г. на острове зимовали канадские и американские экспедиции (Стефенсона, Крауфорда, Нойса), поднимавшие национальные флаги и в который раз объявлявшие его территорией своих стран. В 1922 г. премьер-министр Канады Мекензи Кинг вновь заявил о правах Канады на островную территорию. Эти действия вызвали в 1923 г. протесты советского правительства (ноты Наркомата иностранных дел СССР от 28 мая и 9 сентября), в результате чего Англия заявила о том, что вопрос принадлежности острова больше ей не поднимается. Последняя попытка иностранной колонизации острова Врангеля была предпринята в 1924 г., когда сюда отправилась очередная американская экспедиция. Она смогла добраться лишь до Геральда, где подняла флаг США.

В сложившихся условиях советское правительство 3 июня 1924 г. приняло решение отправить на остров Врангеля экспедицию, которой поручалось поднять там советский флаг и изгнать оттуда иностранцев, если таковые там окажутся.

Начальником экспедиции назначили известного моряка-гидрографа, бывшего полковника корпуса гидрографов Б. В. Давыдова. Помимо прочего, ему предписывалось: «При неизбежности столкновения, вызываемого противодействием иностранцев (американцев) основной цели экспедиции, действовать в зависимости от фактического соотношения сил обеих сторон, вплоть до ареста экипажа американского судна. Если на острове окажется чужой флаг, его следует убрать, мачту срубить».

Для плавания к острову Врангеля была выделена канонерская лодка «Красный Октябрь». На подготовку плавания отводился всего месяц. За это время корабль перешел из лимана Амура, где он представлял навигационное ограждение, во Владивосток, где взял оборудование, воду, продовольствие и часть угля. На нем разместилась полярная экспедиция в составе 81 человека.

«Красный Октябрь» до 15 мая 1924 г. назывался «Надежным». Этот корабль был заложен в 1896 г. в Копенгагене (Дания), вступил в строй в 1897 г. и вошел в состав Сибирской флотилии в качестве ледокола Владивостокского порта. Длина 55 м, водоизмещение 1 525 тонн, мощность машины 2 929 л. с, скорость хода 13,5 узлов. В конце ноября 1917 г. экипаж ледокола перешел на сторону советской власти. С весны 1918 г. «Надежный» стоял во Владивостоке на хранении. 30 июня его заняли «белые». После окончания гражданского противостояния ледокол отремонтирован и передан дальневосточному Мортрану, а в начале 1924 г. включен в качестве канонерской лодки в состав Морских сил Дальнего Востока. В марте 1925 г. возвращен гражданскому флоту. В годы Великой Отечественной войны ледокол входил в состав Тихоокеанского флота.

Историческое плавание началось 20 июля 1924 г. 26 июля «Красный Октябрь» прибыл в Петропавловск. Здесь два дня красные военморы грузили уголь. 29 июля канонерка вышла в море. 3 августа она зашла в бухту Провидения, где вновь пополнила запасы воды и угля, заполнив ими все свободные емкости и места. Топливо насыпали и на палубу, сделав для этого дощатые выгородки. На дальнейшем пути корабль заходил в залив Святого Лаврентия. Здесь на помощь экспедиции пригласили нескольких северян — местных чукчей. Для разъездов по берегу и во льдах взяли 24 ездовых собаки. 10 августа корабль миновал Берингов пролив и взял курс на остров Геральд.

Воспользовавшись отсутствием льда, начальник экспедиции Б. В. Давыдов выполнил глубоководные гидрологические наблюдения, произвел траление и собрал пробы планктона. При перемене курса от острова Геральда к острову Врангеля встретился первый лед. Постепенно он затянул почти все видимое по горизонту пространство. Решили лечь в дрейф и выждать несколько дней: вдруг лед разойдется, но этого не случилось. Начальник экспедиции позже писал в своей книге «В тисках льда» об условиях плавания: «Медлить было нельзя: достичь острова Врангеля в эту навигацию надо было во что бы то ни стало, а потому, после полудня 17 августа, вошли в лед и начали пробиваться в нем на запад, расположив плавание близ и южнее острова Геральд и далее к острову Врангеля. Лед, вообще говоря, был очень тяжелый».

После двухсуточной борьбы с ним утром 19 августа канонерка приблизилась к островной гавани Роджерса и бросила якорь. Высадившиеся на берег моряки обнаружили здесь мачту для поднятия флага, некогда установленную иностранной экспедицией, и срубили ее. К остаткам мачты они прикрепили табличку на русском и английском языках о прибытии «Красного Октября». Затем установили свою мачту и утром 20 августа торжественно подняли над островом Государственный флаг СССР. Прозвучал салют, Б. В. Давыдов сделал заявление о принадлежности острова нашей стране.

После этого «Красный Октябрь» обошел южные берега острова. Здесь обнаружили четырнадцать колонистов: тринадцать эскимосов и одного американца. По словам начальника экспедиции, «никаких документов, узаконяющих их пребывание на острове, у них, конечно, не оказалось. Поэтому им было объявлено, что они рассматриваются нами, как хищники, со всеми вытекающими отсюда последствиями: конфискация всего ими упромышленного и орудий промысла». Позднее всех их отправили на Аляску.

Комиссар канонерки М. А. Домниковский записал в своем дневнике: «Задержанный Уэллс сообщил, что все они являются служащими американской фирмы Стефенсона, который, отправляя их, говорил, что остров принадлежит им, и поэтому разрешения от СССР не требовалось. Он же выдал и велел им поднять над ним американский флаг... Ранее был обнаружен и канадский флаг...»

Правительственная задача была выполнена, корабль отправился в обратный путь. Эта часть плавания оказалась гораздо более тяжелой, чем все предыдущее. Море было забито тяжелым льдом, который почти не давал кораблю двигаться. Начальник экспедиции понимал, что, скорее всего, избежать вынужденной зимовки не удастся. 23 августа он направил «Красный Октябрь» под укрытие к мысу Биллингса. Здесь почти месяц ушел на подготовку к долгой стоянке. Для тринадцати снятых с острова эскимосов на берегу построили домик, для экипажа запасли 250 пудов свежей оленины. В машине прекратили пары.

И вдруг совершенно неожиданно переменялся ветер, разогнавший лед. Корабль оказался на чистой воде. Подняли пары в котле и 27 сентября снялись с якоря. На переходе лед не встречался, но сильно штормило. «Красный Октябрь» трое суток швыряло с борта на борт. Размах качки достигал сорока пяти градусов. Готовить горячую пищу было невозможно, экипаж питался всухомятку. Шторм вынес корабль в Берингов пролив. Здесь подошел к концу уголь. В топку полетело все, что могло гореть: доски, бревна, отработанное масло. Утром 30 октября выяснилось, что «Красный Октябрь» снова затерт льдами. Снова несколько суток вынужденного беспорядочного дрейфа вместе со льдом. И вот 4 октября стихия выпустила корабль из своих объятий в Беринговом проливе напротив селения на мысе Дежнева.

На берегу нашлось немного угля, воспользовавшись которым «Красный Октябрь» сумел добраться до бухты Провидения. Здесь запасы пополнили основательнее, а затем двинулись в Петропавловск. Тут 20 октября 1924 г. и завершились полярные приключения.

После теплой встречи экипажа руководители экспедиции были приглашены на заседание Камчатского губернского бюро РКП(б). Комиссар канонерской лодки М. А. Домниковский поделился с местными партийцами впечатлениями, полученными в ходе плавания. Далекие северные окраины только в начале двадцатого века стали фактической территорией России. До этого там безраздельно царили иностранные торговцы. Чукчи зачастую знали английский язык гораздо лучше русского, торговля, если шла на деньги, а не на «мену», то на доллары, а не на рубли. Вытеснение отсюда иностранцев ставилось имперским правительством как перспективная задача, которая постепенно решалась. Но в годы гражданской смуты все обернулось вспять. Теперь одной из задач новой государственной, советской, власти вновь стало распространение своего влияния среди аборигенов. Это можно было сделать, во-первых, созданием системы отечественных факторий, снабжавшей местных жителей, и, во-вторых, вытеснением из денежного оборота иностранной валюты.

В населенных пунктах Чукотки уже действовали фактории Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО). Комиссар «присмотрелся к их работе». Вот что он увидел: «Заведующие факториями вовсе не практиковались в проведении нашей политики. Они абсолютно чужды нашим интересам. Странное явление: был я в мысу Северном, там познакомился с заведующим факторией, вник в работу, в Уэлене тоже. В Провидении мы были две недели. Там я познакомился основательно с работой факторий, и странное совпадение — они ненормальны...

Фактория в бухте Провидения. Заведующий Козлинский, бывший старый торговец. Казалось, он должен знать дело, но получается на деле, что он ничего не знает, вернее он не знает наших задач, наших способов и методов. Он имеет четыре ящика патронов. Он знает, что их не хватает населению. Ему также неизвестно о том, что население бедно. Патроны населению нужны. Нужно идти ему навстречу, чтобы можно было из него кое-что извлечь. А он заявляет: “Покамест не принесешь шкурку, патрона не получишь”. Я не сомневаюсь, что в один из дней его постигнет случай, когда его побьют чукчи...»

Что же касается рублей, вернее, червонцев, и долларов, то «наша задача — выжить доллар и внедрить червонец, следовательно, это чье дело как не ОКАРО? А получается другая штука. В факториях расценка на червонцы и доллары. Чукчи поэтому приобретают доллары, так как видят, что доллары принимаются охотнее...» В Уэлене М. А. Домниковский поинтересовался стоимостью шкуры белого медведя. Американцы давали за нее 150 долларов, наши фактории — 70—80 рублей (по тогдашнему курсу один доллар равнялся одному рублю), то есть вдвое дешевле. Естественно, что чукчи «придерживали» пушнину для американцев. А вообще-то, «чукчам денег не надо, им надо дать товары и патроны».

29 октября «Красный Октябрь» вернулся во Владивосток. Здесь экспедицию ждала торжественная встреча. Всем участники похода получили особые нагрудные знаки. На них была изображена северная часть Тихого океана с проложенным маршрутом плавания. На эмали в верхней части знака изображена звезда, по кругу идет надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! За экспедицию на остров Врангеля». 30 июля 1925 г. корабль был награжден Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК.

Результатом этого ледового похода стало окончательное закрепление полярного острова за СССР. С этого времени закончились все посягательства иностранцев на эту землю. Представитель Англии на русско-британской конференции 6 августа 1924 г. заявил, что «правительство его британского Величества не имеет никаких претензий на остров Врангеля». 4 ноября 1924 г. Наркомат иностранных дел СССР особым меморандумом вновь подтвердил принадлежность островов Врангеля и Геральда Советскому Союзу.

Памятный знак о походе «Красного Октября» к о. Врангеля

Руководитель экспедиции Б. В. Давыдов прожил после ее окончания недолго. Находясь в Ленинграде с отчетом, во время доклада в Географическом обществе он простудился и 30 сентября 1925 г. скончался от воспаления легких. Именем этого замечательного исследователя, моряка и патриота названы бухта на острове Врангеля, мыс на острове Большевик, мыс при входе в залив Чихачева в Татарском проливе. В 1925 г. «Красный Октябрь» в честь руководителя плавания переименован в «Давыдов». Советское освоение острова Врангеля началось в 1926 г., когда на него с парохода «Ставрополь» высадились колония во главе с Г. А. Ушаковым.

...Вот лишь небольшая часть событий, разворачивавшихся на российском Северо-Востоке в начале 1920-х гг. Вывод же из вышесказанного можно сделать такой. Малейшее ослабление российской государственной власти, какую бы «окраску» она не имела — монархическую, демократическую, советскую или нынешнюю либеральную — всегда сопровождается появлением массы желающих погреть руки на достоянии, собранном воедино десятками поколений русских людей. Свежий пример этому — совсем недавние международные сомнения по поводу принадлежности арктического шельфа, примыкающего к северному побережью нашей страны. А ведь еще вчера задавать такой вопрос никому бы и в голову не пришло...